Олег ДОРОГАНЬ

На крыльях песенной судьбы

О поэзии Владимира Силкина

Сколько написано стихотворений о Родине, сколько сказано слов! А поэт Владимир Силкин опять же по-своему написал о ней, просто и выдержанно.

Его стихотворение «Родина» я прочитал в газете «Красная звезда» более двадцати лет назад и хорошо запомнил его:

Далёко ли от дерева семя
Упадёт? Отвечают, что нет.
Лечит раны упрямое время,
Оставляя отчётливый след.

И однажды куда-то уехав,
Мы к истокам вернуться должны.
Тихо крикнешь и знаешь, что эхо
Отзовётся с родной стороны.

Даже птицы тоскуют в разлуке.
И у них холодеют сердца.
Не с того ли печальные звуки
Часто слышатся в песне скворца?

Перелётным, возможно, попроще,
Позабыв про тепло и про тишь,
Улететь от ручья и от рощи…
Но от Родины не улетишь.
(«Родина»)

«Но от Родины не улетишь»… Эти слова сразу вошли в душу и в память. Тогда, в так называемые «лихие 90-е», не стало великой советской державы – СССР раскололся, как упавшее зеркало. И многие меняли местожительство, а вместе с ним теряли Родину. А кто-то потерял её, не сходя с места, оставшись вне русского мира где-нибудь в Прибалтике или на Кавказе, в Средней Азии или Молдавии…

Потом я познакомился с подборкой стихотворений Владимира Силкина в газете Московского военного округа «Красный воин» под заголовком «Просыпайся, Россия, от спячки!». Я сразу обратил внимание, что при определённой пафосности этого призыва-заклинания стихи звучали сдержанно и веско, написаны явно волевым мужественным человеком.

А потом на одной из творческих встреч лично познакомился с Владимиром Силкиным, и его как человека и поэта знаю уже почти четверть века. С тех пор поэт Владимир Силкин стал заместителем председателя Московской городской организации Союза писателей России, возглавил Военно-художественную студию писателей Минобороны России. Нашу дружбу сопровождала череда редких коротких встреч, но они только доказывали, что наша дружба незримо крепнет.

И главным в его жизни и творчестве всегда была и остаётся поэзия, и мне бы хотелось показать ту нравственную и художественно-эстетическую ценность, которую она представляет.

Что привлекло меня в его стихах, так это, прежде всего, кровная преемственная связь со старшими поколениями отцов и дедов, прошедших великую войну и одержавших великую победу. Красной нитью проходит она через всё творчество Владимира Силкина. И не случайно корень «род» часто встречается в названиях его стихов и в них самих: «Родина», «На Родину», «Родителям».

Его стихотворение «Звезда отца» стало сокровенным обращением к отцу. Начинается оно с космического, можно сказать, вселенского взгляда:

В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Содержание стихотворения становится всё ближе к нам, заземляется, обретает земные смыслы, конкретную предметность, реальные очертания, проникнутые прошлым и настоящим, связанные с тем военным лихолетьем и этой полувоенно-полумирной жизнью.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далекий.

А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы смогли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться…
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.

Зыбкий мир в наш жестокий век постоянно настраивает поэта на тревожный лад, на внимательный взгляд к каждой детали, каждой примете, в которых видятся ему символы нашего времени.

У поэта Владимира Силкина за каждым словом – затаённый пафос духоподъёмности, он старается обходиться без громких слов, их мощь у него, как река в бетонных берегах. Но скрыть этот пафос мощи крайне трудно, почти невозможно. И в этом, на мой взгляд, кроется неповторимость авторской интонации. Порою даже кажется, поэт умышленно представляет сложное простым, округлое делает угловатым, яркое – приглушённым, чтобы не навредить искренности и правдивости повествовательной интонации.

И ему удаётся сказать о самом важном без видимых усилий, его стихи легко ложатся на душу, и веришь каждому слову.

В стихотворении «Шальная пуля» сильно и точно показано, как судьба человеческая зависит от роковой случайности. Поэтом найдены те самые слова, через которые выражены вся непредсказуемость и вся боль трагедии.

Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая ввысь.
И та, что в небо гулять пошла,
Шальною пулей в степи была.
В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.
Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.
А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.
Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.
Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.
Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.
Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.
Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.

Пуля персонифицируется в реального живого носителя этой самой роковой случайности, словно бы страдающего от своей предназначенности.

Во многих стихах Силкина слышится дыхание «горячих точек». Одной из них, Сирии, посвящены книжки стихов «Авиабаза "Хмеймим"» и «Русская юла». Но, конечно же, всего горячей в стихах его пробивается дыхание Афгана и павших в нём его товарищей. И 15 февраля для него стало священным праздником, как для сотен тысяч живых и мёртвых «афганцев».

И зябко, и душно в седом феврале.
Сверкают медали,
Но крови за них мы афганской земле
С лихвой передали.

Богата и обширна география стихов Силкина, связанная непосредственно с его биографией. Здесь не только Москва и Питер, здесь и Таллин, и Сихотэ-Алинь, и станция Дно, где царь Николай II отрёкся от престола, и Владивосток, и Ханкала, и Хмеймим и т.д.

И вся жизнь у него – как путина в океане. Поэт – как человек военный – примеряет её на себя со всеми её трудностями и препятствиями. Он привык к преодолениям, без них жизнь теряет для него смысл.

…Сходят грузные мужчины,
Океан роняя с плеч…
Окончание путины –
Продолженье чьих-то встреч.

И всё же он, поэт военной темы, счастье своё видит, прежде всего, в мирном небе над головой, в слове, которое служило бы оберегом от бед, несчастий и войн. Отражая войну, поэт всегда думает о душе, о ключевой чистоте её и родниковой незамутнённости, о любви и счастье, о бессмертии и спасении души.

Незачем счастье испытывать.
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.

Трогательны строки о любви у поэта.

Устанет ночь от света зрелых звёзд,
В речной воде заледенеют ивы…
Мне до тебя лишь десять тысяч вёрст,
Чтобы понять, каким я был счастливым.

В стихотворении «Ты спишь»:

Я помолчу, вздыхая горячо,
Я стольким этой женщине обязан!
Когда б не это белое плечо,
Счастливым в жизни не был бы ни разу.

Главное достоинство поэзии Владимира Силкина – моментальное точное попадание в читательское сердце. Обманчивая простота лучших из его стихотворений помогает проявить самые глубинные, сакральные смыслы.

Примечательно в его стихах, когда за кажущейся незамысловатостью – спружиненный сюжет судьбы:

Годы летят, пролетают.
Вот и свои проглядел.

Его сдержанные ёмкие строки свидетельствуют о том, что они выношены, далеки от суетности. Самовыражение поэта ничего общего не имеет с самовосхвалением. Самодостаточность его во внешней скромности и безыскусности.

Владимир Силкин – автор почти шестисот стихотворений, часть из которых стали песнями. А песенный стих требует той простоты, которая несёт с собой единственно точные слова. И пускай кому-то кажется, что песенная простота текста – от недостаточной поэтической квалификации автора. Нет уж, слова к настоящим песням требуют подлинности таланта. И здесь очень важно для автора оставаться простым и доступным, и при этом не быть примитивным, не подавить душевность серостью затёртых слов.

Открытость и душевность, присущие автору, не лишают его защищённости, благодаря умению найти единственно верные слова:

Кланяюсь в пояс дороге,
За спину ладя суму,
Вот и выходит, в итоге,
Кланяюсь всем и всему.

И не бывает обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.
(«Кланяюсь в пояс дороге»)

Простота слога вовсе не означает, что автору не присущ поиск формы, но она никогда не превышает меры своей единственности, своей оптимальности. Немало свежих неожиданных, иногда сложносоставных рифм можно найти в стихах Владимира Силкина: «Крыма я – любимая», «звёзды – завёз ты», «флаги – «Арагви» и других.

Владимиру Силкину подвластен и жанр иронического стихотворения, а он по-своему диктует рифмы соответственного склада, как например, в стихотворении «Номенклатурная столовая». В нём девушка-официантка из деревни разносит блюда номенклатурным работникам, и есть такие рифмы: «завалена – овальных», «вспоена – от пояса», «тщедушному – отдушину», «прилизанной – капризами», «работники – эротики», и где в итоге:

Благодарят за угощение
Официантку чернобровую,
Ещё не зная о решении
Закрыть закрытую столовую.

В стихотворении «Оптина пустынь» необычна, но органична рифма: «п*у*стыни – грусти нам».

Ветер пронзительный в Оптиной пустыни,
Листьев оплавленных медь.
Небо, прошу, не подбрасывай грусти нам,
Дай на тебя посмотреть.

Грустное русское небо для поэта становится, вопреки всему, образом веры, он выкристаллизован умудрённой зрелостью, закалённой испытаниями военной службы и перипетиями судьбы поэта, ставшей частью общей судьбы страны и её народа.

Русское небо, далёкое, серое,
В этом осеннем краю.
Я ещё верую, верую, верую,
Верую в мудрость твою.

Дорог поэту его край родной, его богатая природа, и он к нему со всей душой – как живому. Всё живое дорого поэту. И в стихотворении «Рысий клык» он сам себя спрашивает в горьком недоумении:

Убили рысь, убили рысь,
А для чего, убей, не знаю.

Доброе внимательное отношение к «братьям нашим меньшим» выражено у него особенно в таких стихах как «Русская дворняга» и «Пёс».

В первом стихотворении о том, как хозяин напивается и не ценит своего верного пса, но от этого тот не становится менее преданным, и, как может, оберегает своего хозяина.

И второе стихотворение о собачьей верности, и завершается оно так:

Пёс к солдату доверчив от века,
Только глянешь, помчится спасать,
И сказать, что он друг человека,
Ничего про него не сказать.

У каждого поэта свои голуби, свои они и у Владимира Силкина:

Ох, как сладко воркует сизарь,
Посвящённый на небе во что-то,
И смеются, искрятся глаза,
Потрясённые счастьем полёта.

И воробьи свои. Это видно из стихотворения «Купание воробьёв в Северном Медведково в Москве»:

В Медведково дожди плясать устали,
Умчались во владения свои,
И в лужи незапачканные встали
Уставшие от зноя воробьи.

Каждое место, где бывает поэт, он старается освятить своим взглядом, своим песенным словом.

В стихотворении «Усадьба Кусково в августе» поэт «оживляет» статуи античных богов, и вот как это у него осуществляется:

Под небом промерзающей Москвы,
Как путники, сошедшие с дороги,
Заснут, не опуская головы,
Обветренные греческие боги.
Но время есть до первых холодов,
И возле статуй созревает чувство,
Что боги после праведных трудов
Задумались о тонкостях искусства.

Когда-то в советском детстве мы узнали о концлагере Саласпилс в Латвии из песни, прозвучавшей тогда в исполнении вокально-инструментального ансамбля. Спустя какое-то время и Владимир Силкин посетил мемориальный комплекс в этом лагере и написал небольшое стихотворение «Саласпилс», предварив эпиграфом: «Здесь стонет земля» (Надпись на латышском языке над входом в мемориал), а завершая так:

Нам гид про лагерь говорит,
Ведёт к гранитным плитам мрачным,
А на руке его горит
Тяжёлый номер шестизначный.

Лирическая глубина открывается у него через прозрачность слова. И это стало важнейшей приметой его поэтического творчества.

Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но всё же, надеюсь. Живу и надеюсь.

Владимир Силкин родом из 60-х, из того поколения, к которому принадлежу и я. И его стихи – они своего рода свидетельства того духа и тех реалий, что сформировали наше поколение. И в этом их достоинство не только для меня и наших сверстников – в этом их историческая и художественная ценность для общественного сознания прошлой, настоящей и грядущей России.

Сын сельского кузнеца и медсестры, он стал городским жителем, интеллигентом. В молодости работал на шахтах Подмосковья и Донбасса. Закончил Тульский политехнический институт, был электронщиком, программистом, заведующим лабораторией в родном институте.

Но с детства мальчишку пленили родная речь, отечественная история, красота окружающей его природы и потрясающий мир русской поэзии. В 1962 году он – ученик 7-го класса – стал победителем Тульского городского конкурса на лучшее стихотворение о космосе в честь первой годовщины полёта Юрия Гагарина. Затем были первые публикации в областной и всесоюзной периодике, участие в совещаниях молодых писателей, коллективных сборниках. Первая авторская поэтическая книга Валерия Савостьянова «Календарь» вышла в Туле в 1984 году. До 1991 года он выпустил четыре поэтических сборника, причем два из них в московском издательстве «Современник», что было уже серьезной заявкой на собственное место в литературном строю.

И тут случился советский Апокалипсис. На политической сцене нашей страны появился Годо из журнала «Коммунист» и с блаженной улыбкой прожженного гуманиста повел всех нас в тёмное капиталистическое будущее. При этом он повторял, как мантру, спущенный из-за океана лозунг: «Рынок всё отрегулирует!». Тут уж всем стало не до поэзии, искусства, кинематографа и любительских штудий по части философии. Надо было как-то выживать, кормить семью, одевать во что-то растущих детей и поддерживать потерявших почву под ногами стариков. Савостьянов занялся предпринимательством.

Все эти сумеречные годы обвала российской культуры, индустрии и коллективного сельского хозяйства он не прекращал заниматься поэтическим творчеством. Публиковался в региональных изданиях, патриотической печати, после длительного перерыва выпустил несколько небольших сборников своих стихов. Однако его главная книга, получившая благословение ведущих критиков и руководства Союза писателей России еще в 2001 году, вышла в свет лишь в 2014 году. Только вдумайтесь в этот сюжет из жизни поэта: к своему 50-летию он приготовил рукопись книги избранных произведений, а она вышла из типографии, когда ему исполнилось 65 лет! «Моя первая книжка в твёрдой обложке», – позднее скажет Савостьянов. Это чудо, что он не сошел с ума, не спился, не озлобился на весь мир, не бросил заниматься творчеством. Выстоять, выдержать все испытания, сохранить лицо ему помогли крепкие крестьянские корни, вера православная и любимая семья. Не случайно на фронтисписе книги «Русский крест» помещена фотография автора с супругой и двумя малолетними сыновьями – такими они были в начале нынешнего столетия.

Книга избранных стихотворений Валерия Савостьянова «Русский крест» была издана благодаря поддержке правительства Тульской области и ее губернатора, и весь тираж был направлен в библиотеки области. Через год пришлось выпустить дополнительный тираж, чтобы хоть в какой-то мере удовлетворить интерес читателей к поэзии Савостьянова.

Книга стихов «Русский крест» продемонстрировала *urbi et orbi (городу и миру)* не только высокий профессиональный уровень автора, но и тот факт, что в нашей литературе появился еще один большой русский поэт. Кроме основного корпуса стихов, разбитого на разделы, посвященные па-

Великая душа

Заметки о повести

Сперва не было понятно – о чём это? Подросток-сирота Сашка Письменов, пригретый в доме тётки Егорихи, в полуголодной среднерусской деревне Камышинке выживает по соседству с необыкновенным человеком богатырского склада и внешности, пятидесятилетним вдовцом Максимом Евграфовичем Мотякиным, по-уличному Момичем. Коммуна, колхоз, мечтатель-учитель Дудкин в необыкновенной портупее; не зная, чему учить детей, он вместе с учениками собирает по улкам утильсырьё, из чего в светлом будущем-де должны построить аэропланы… Конокрад Зюзя, которого назначили председателем сельсовета. Где-то лихом промыхает гражданская война, и события в деревне должны были бы указать читателю на происхождение этой междоусобной брани русского мира, но тут, в деревне, всё тащится как-то не напоказ, исподволь, неспешно. Казалось сначала, что основной конфликт спрятан между строк, а выявится он со второго, а то и третьего чтения. Эта мысль подтвердилась, о чём и хочется рассказать, вспоминая финальный эпизод повести, после встречи выходящего со взводом окруженцев лейтенанта Письменова и утаившегося от мира в глухом лесу Момича, оживляя их диалог:

«– Всё носишь обиду?

– Надо б, да не на кого, – повернулся он ко мне. – Кабы оно не на наших дрожжах то тесто взошло! Ить не германец же с туркой грёб нас?».

А что за дрожжи-то? Не социальные, экономические, политические причины привели к гражданской войне в России, как о том толкуется и поныне? Но что? Это и пытаемся мы выяснить.

И ещё не оставляло ощущение, что Константин Воробьёв в повести «Друг мой Момич» (в первой публикации «Тётка Егориха») не имел *полного* голоса и подвергался оскорбительным для повести цензурным изъятиям; в полотне текста скрывались умолчания и недосказанности, будто автор хотел что-то своё прохрипеть со сжатыми на горле чужими руками. Потом-то прояснело, и эта воробьёвская манера сказать, не рассказывая, показать не целое, а его краешек, вдруг заиграет неожиданными красками и придаст повествованию особую глубину и чудесную выразительность, отчего вдруг потяжелеет и сама книга с этой повестью, переполненная незамеченными с первого чтения смыслами.

События повести привязаны к пасхальному циклу, а особо значимые происшествия упоминаются автором в связи с главными церковными праздниками. Зачин повести – накануне Пасхи, праздника воскресения. Заканчивается Пасха пожаром – сгорела Момичева клуня, тайком подожжённая дядькой Иваном. Масленица, Рождество, Покров… В отсчёте повествовательного времени и связи его с происходящим нет логического противоречия: прежний имперский календарь продолжает использоваться в деревне, пока не придуман временный, революционный отсчёт. Но привязка к «вечному» календарю придаёт и самим событиям повести характер *вневременный*, библейски объёмный.

…Сашка любит тётку Егориху, она друг, сообщница в его замыслах, напересница, напарница по чувствованиям. Детский взгляд замечает её красоту и житейские качества, но она ему кажется женщиной пожилой. «Нам с нею нравится всё одинаковое – звёзды, гармошка, карагоды, наступающие праздники, запах кадила в церкви, богородицына трава на полу хаты, и чтобы на дворе всегда было лето. Тётка, наверно, уже старая, но лучше и красивее её других людей на селе нету!» – вспоминает о ней Сашка. И только из повести мы узнаём, что Егориха находится в цвете лет и лишь непонятная каверза судьбы, либо общая крыша лядащей хатёнки свела её с «тронутым» стариком Иваном по прозвищу Царь, приходящемся Сашке дядькой. «Было жалко его, слаборукого, встрёпанного, не похожего на мужика».

Она необыкновенно чуткая женщина с летуче-лёгким характером, обладающая внутренней *свободой*. Есть основания поместить её в центр читательского внимания как сгущенный образ русской женщины с признаками богатства цельного в своих очертаниях внутреннего мира. Она вроде жемчужной низки, потаённой в сердцевине венка из луговых и полевых трав и цветов.

Момич весь чёрен, как и его жеребец, белые у него только зубы и рубаха. Вот он в минуту пожара: «Момич был страшен и пугающе притягателен в своей пламенной атласной рубахе навыпуск, клубом вздыбившейся на спине». У него «медлительная и прямая походка, перебитый паузами разговор, манера щурить глаза, держать в руках ношу». «Всё, что переходило из моих рук в Момичевы, мгновенно и странно оказывалось для меня непомерно большим и ценным, исполненным непонятного значения и смысла. Это, видно, происходило оттого, что Момич забирал вещи каким-то обхватно-ёмким и властным движением обеих рук, забирал полностью и навсегда». Этого вдовца, крепкого хозяина уважает деревня по признаку физической и душевной силы. Его редкое и негромкое слово слышно в каждой избе. Он весь в своей цельности есть воплощение *достоинства* русского человека. С Сашкой их пути «перекрутились насмерть», фигура и поступки Момича оказывали и продолжают оказывать на подростка сильное влияние и сопровождаются гаммой переживаний – от восторга и преклонения, до разочарования в Момичевом всесилии.

Их троих связывают особые отношения. Подростку Сашке отношения нравятся и он не хочет их расчленять, анализировать. Они кажутся ему красивыми, правильными и единственными. «…Под низким толстым дубом на поляне увидел тётку и Момича. Они сидели бок о бок, и голову Момича криво опоясывал величиной с решето лохматый венок из ромашек вперемежку с колосьями ячменя, – тётка, наверно, сплела, не сам же Момич!». «…Тётка качнулась к нему и пошла тесно и молча под мышкой у него»… Так ведут себя близкие люди. Сашка и относится к ним, как к близким людям, связанный с ними общими секретами, переживаниями и судьбой. Эти трое чужих людей ощущают себя одной семьёй. Момич, по сути, содержит Сашку и Егориху. То зернеца подбросит, то говяжью ногу от зарезанного быка. Сашка помогает ему метать парину, строить новую клуню взамен сожжённой. Они представляют собой семью, сложившуюся в силу обстоятельств – *по естеству*.

Тётка Егориха и Санька ищут места в этой новой жизни. Она была непонятна и временами пугала противоречиями и нелепостями. Соблазнились уйти в коммуну

в бывший барский особняк и долго не догадывались, что в ней ни хозяина, ни вожака, а только распорядитель. Голодно. Все таятся друг от друга, подворовывают на стороне и у других коммунаров. Начинают заправлять в «общежилке» бывшие уголовники. Коммуна – это призрак тюремной зоны. Потом политика изменилась, имущество и хозяйства крестьян начали обобществлять, появились колхозы.

Уже кого-то арестовывают и уводят. Данилу Губанова забрали, родню Арсениных из Чикмаревки. Троих мужиков в длинных поярковых зипунах сопровождает в арестантский дом картинный милиционер Голуб. Началось раскулачивание. Из повести не видно, что раскулачивали именно кулаков, «субъектов» паразитарный деревенской прослойки, – хотя были, вероятно, и таковые. Нет, частой гребёнкой вычёсывалось именно ядро, *семя деревни*. Добрались и до Егорихи с Сашкой: но забрать у них, кроме раскисших лаптей, было нечего. Зато на хозяйстве Момича оттянулись вполне. Даже круги бросового жмыха реквизировали. Более всего Момича потрясло бездушие этой «акции»: бесхозных Момичевых пчёл из ульев выбросили в снег – погибать…

Мы склонны доверять Константину Воробьёву, поскольку он оказался участником тех давних событий и доставил современникам художественное свидетельство, подтверждаемое дальнейшими событиями. Реквизиции, то есть, насильственный отбор имущества, а по сути – грабёж силами государственного аппарата, ссылки, сгон населения деревни сперва на Соловецкие выселки, потом «за Мамай», в неизвестное. Не оставляет ощущение, что целью этих действий, предпринятых не специалистами-хозяйственниками либо экономистами, а политиками, напитанными идеологическими догмами, то есть, непрофессионалами в области сельского хозяйства, являлось попросту *рассеяние* корневой России. Из дальнейшей истории стало очевидно, что деревенский мир оказался перемолот изменениями в обезличенный городской социум, расточённый по всей стране…

Церковь, наконец, освободилось из имперского духовного пленения, когда религиозной жизнью управляла «канцелярия бога», чиновное предприятие Священный Синод, возглавляемое штатским министром по делам вероисповеданий, – и вновь обрела пастыря, православного Патриарха. В городах в церковь пошли раскаявшиеся эсеры-бомбисты, разочаровавшиеся в социальных переменах интеллигенты, студенты и молодёжь с обострённым религиозным инстинктом. Храмы наполнялись новообращёнными, разрастались церковные общины, зацветали живой жизнью. Власть к этому не имела отношения, но в Камышинке претворяла в действительность убогую антирелигиозную пропаганду.

Поскольку известно, что по науке Бога нету и не было, а, значит, попы заблуждались и умышленно обманывали веками трудящийся народ, то на Покров на собрании в школе камышинский поп должен был отрекаться от Бога. Отречение в битком набитой школе строго принимали председатель сельсовета, уполномоченный из Лугани и милиционер Голуб. «В школе наступила душная тишина, а поп всё молчал и молчал, и тётка стала зачем-то быстро оглядываться и суетиться, будто искала кого. Тогда и погасла лампа». «– Заблуждался… с Божьей помощью, – пискляво, с переливами сказал поп, но никто не засмеялся, потому что сразу же, справа от нас с тёткой, от печки, услышался всеми – и Голубом тоже – угрожающе-обиженный голос Момича:

– Слышь ты, служба! Поиграл с человеком и будя!».

Уже не то время было, 1930-й год, чтобы с окуклившейся и заматеревшей властью брань затевать. Лампа всё гасла и гасла, и некому было посчитать в темноте, кто поднимал руку за резолю-